

ный соглашательский процесс сближения и слияния властного дискурса и его эстетической рефлексии. Результат – опасный монодискурсивизм, который, как каждый монодискурсивизм, скорее является симптомом тоталитарного.

С исторической точки зрения, подобный культурный пессимизм – неизменная часть саморефлексии самой культуры. А это фундаментальный повод для оптимизма. В своём историческом развитии культура постоянно констатирует собственное перманентное поражение, свой упадок. Больше того, сама культура реализуется полноценно через сознание своего собственного кризиса. И именно проблематизация её собственного настоящего и предстоящего конца – важная часть её жизненности, её реализации как таковой, т.е. как территории, альтернативно расположенной по отношению к властному дискурсу. Сама культура – всегда пессимистичная, но живая – совершенное опровержение этого конститутивного для неё пессимизма, а в этом смысле своё собственное самоопровержение.

Список литературы

1. Пенчев Б. Ний всички сме деца на младия Славейков. – *Культура*, бр. 17 (1976), ХЫ, 25 апрел 1997.
2. Неделчев М. Фигурата на писателя // *Литературен вестник*, бр. 16, 7-13.05.2008.
3. Разговор с редактори двама на тема «Литературен вестник на новото време» // *Литературен вестник*, бр. 16, 11-17. 2. 1998.

СОВРЕМЕННАЯ БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Коздигарина Р.К., Медешова Г.К., Балтабаева Г.С.

Казахский государственный женский педагогический университет, Алматы, e-mail: dilfuza.talenova@mail.ru

В последние годы в болгарской литературе всё более и более очевидным становится эскалирующая инвазия одного специфичного типа массовой литературы, во многих случаях откровенно приближающейся к художественной дебильности. В этом, конечно, нет ничего ужасного. В той или иной форме массовая культура всегда существовала как один рассказ, параллельный и альтернативный «высокому», элитарному, грань между которыми иногда совсем размыта, особенно в предмодерные эпохи. Более того, мы хорошо знаем, в какие шутки играет история с категориями «высокое» и «низкое». Так нечто, что сегодня мыслится как высокая классика, в сущности, возникло когда-то именно как массовая культура («Декамерон», например, а в более широком плане – и фольклор). На самом деле «высокий» канон нередко институциально-нализует именно «низкую» культуру переходной эпохи.

Предлагаю на рассмотрение один сюжет в развитии болгарской литературы после 1989 года, который считаю центральным. Изложу его в определенной степени в теоретическо-аналитическом плане, но не устою и перед искушением публицистично-темперированной риторики.

Прежде чем перейти к существу вопроса, очерчу главные, исходные параметры тезиса. Для современной литературной ситуации в Болгарии характерна гетерогенность в состоянии особой динамики. Эта динамика выражается в ускоренном изменении соотношения двух основных тенденций, которые можно определить как модернизм и постмодернизм. Наблюдаемая динамика ведет к чему-то третьему. Это всё более ускоряющееся, эскалирующее изменение стимулировано некоторыми внешними факторами, таковыми, например, как бум интернет-технологий и т.д. Но в интересующем меня аспекте важнее другой тип – «внешние», экстралитературные факторы.

Чтобы не усложнять проблему, ограничимся ситуацией в широком контексте модерности, разбираемой как сложная, антагонистично структурированная кон-

стелляция капитализма и модернизма. Антитеза, которую я считаю принципиально тождественной диалектической модели Просвещения вообще, разоблачённой Хоркхаймером и Адорно, или тождественной смыслу, в котором Фуко противопоставляет Просвещение (АипЧиагипё) и гуманизм, а также, с другой стороны, разрыву между социально-политической модерностью и культурной модерностью, которым пользуются такие авторы, как Дэниел Белл, Зигмунд Бауман, Зджислав Крас-нодембски. (Поспешу заметить, что основной пафос моего тезиса будет направлен на реабилитирование гуманизма в сфере эстетического).

БОЛГАРСКАЯ ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ПОЭЗИЯ 1980–90-Х ГОДОВ

Курман А.С., Жумадыл Д.М., Балтабаева Г.С.

Казахский государственный женский педагогический университет, Алматы, e-mail: dilfuza.talenova@mail.ru

В 80-е постмодернизм возникает как эзоповский тип языковости, сопротивляющейся репрессии тоталитарного властного дискурса. В самом начале его основное занятие – деконструировать язык тоталитарного статус-кво, в том числе и язык поэзии, составляющей идеологический канон. (Этот деконструктивизм проведён самым радикальным образом Б. Ламбовски и перформансными акциями в начале 90-х годов кружка «Пятница 13»). О первом постмодерном поколении, поколении 80-х годов XX столетия – пока всё. Но в начале 90-х годов появилось новое поэтическое поколение, ставшее представительным для десятилетия. Я определяю его как второе постмодерное поколение. Оно обособливается к 1992-1993 годам в газете «Литературен вестник» под прямой менторской заботой «отцов» первого, самым прямым образом – Ли Илковым (эта родовая метафорика особенно характерна для языка 90-х гг.). Его ядро – всеизвестная «четверка», основная часть литературной мифологии десятилетия, которая, как группа, легитимируется скорее всего двумя мистификационными проектами «Бъл-гарска христоматия» («Болгарская христоматия») (1995) и «Бъл-гарска антология» («Болгарская антология») (1998). Кроме этого ядра, вокруг газеты «Литературен вестник» – с момента ее создания – гравитируют множество молодых авторов, творчество которых – в одном или другом аспекте – представительно для рефлексий постмодернизма болгарской литературы 90-х годов.

Болгарский постмодернизм претерпевает важную трансформацию именно в этом поколении. В целом он переадресует свой де-конструктивистский пафос от политического (антикоммунистического) к другому, собственно правому идеологическому конструкту – гештальту Болгарского. И поскольку этот гештальт является продуктом этноцентричного литературного канона – один в полной мере репрессивный языковой конструкт – постмодернизм 90-х в основном занимался деконструированием Канона. Расправившись с репрессивным языком коммунистической идеологии, болгарский постмодернизм занялся не менее репрессивным языком другой идеологии – идеологии Болгарского. Таким образом, хоть и утра-тивший свою прямую политическую ангажированность, он сохраняет свой левый характер, трансформируя его. Деконструктивистский пафос болгарского постмодернизма постепенно, в некоторой степени и по объективным причинам, становится всё менее и менее антикоммунистическим, но он всё так же ангажирован другими властными, правыми языковыми структурами.

Это определяющее для болгарского постмодернизма 90-х годов внутреннее саморазвитие от тоталитарного

к Болгарскому, соответствующее переходу от первого ко второму поколению постмодерна, конечно, намного сложнее, внутренне амбивалентно и нюансировано. Здесь я его представляю прежде всего в связи со своим конкретным тезисом – поскольку оно уже намечает тенденцию отказа от политического – утрата левого в моральном аспекте и его сохранение лишь в дискурсивно-языковом аспекте. (Не стоит уточнять, что употребляю оппозицию правое-левое полностью в структуральном, не в профанном политическом смысле понятий).

А это в некоторой степени означает и отказ от того первоначального порыва открытости к «внешнему», к историческому и политическому, а отсюда – и к моральному, под знаком которого в 60-е годы зарождается постструктурализм как деконструктивистская программа.

И именно здесь возникает вопрос: массовая культура XXI века – т.е. после конца 90-х годов, которые отмечают и условный конец авторефлексивного, «высокого» болгарского постмодернизма – не есть ли она в известном смысле дитя (или незаконнорожденное исчадие) случившегося в 90-х годах? И в какой степени?

Болгарская постмодернистская литература 90-х годов, испытавшая прямое влияние зарубежных философских постулатов, оперировала языком и такими в высшей мере серьезными идеологическими конструкциями, как литературный канон. Её весёлые заигрывания с высоким и серьёзным были умелой языковой игрой – игрой, которая, однако, в следующее десятилетие раскроет свои неожиданно серьёзные последствия.

РУМЫНСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Таленова Д.Е., Беристем Б., Балтабаева Г.С.

Центрально-Азиатский университет, Алматы,
e-mail: dilfuza.talenova@mail.ru

Литературная критика после 1989-го года либо утратила свой авторитет, и литературные критики покинули страну, либо предпочла изменить свой

путь. Так, знаменитый критик Лучиан Райку уехал во Францию, Моника Ловинеску сменила литературный комментарий на политический, а Еуджен Симон и Валериу Кристя расположились на политических позициях, отвергнутые почти всеми. Николае Манолеску дебютировал в роли политического деятеля, Георге Григурку стал публицистом. В свою очередь, Ливиус Чокырлие начал писать фикциональную литературу, а Мирча Мартин молчал долгое-долгое время. Стало быть, никого больше не интересовала критика, новые книги и новые поколения писателей. Литературная жизнь не была такой бурной, как прежде, и это остро ощущали те, кто все же продолжал заниматься литературной критикой. Причина такого положения дел заключалась не столько в качестве критики как таковой, сколько в агрессии, проявляемой идеологией и масс-медиа.

Процветали книги синтезирующего характера. Критики Еуджен Негрич, Габриел Димисиану, Мирча Йоргулеску, Ион Поп, Алекс Штефанеску, Еуджен Симон и Марин Минку создали значительные книги подобного плана, о которых мы будем говорить позже. Отметим лишь, что критика восьмидесятых пыталась заменить упомянутое отсутствие и предоставить собственный вкус и собственные позиции в установлении литературных ценностей и в предвидении будущего румынской литературы на основе надежд, которые вызывали своим творчеством молодые писатели.

Список литературы

1. Sorin Alexandrescu «Saptediscutiilimpespartupropunerice oncerte» 22, nr.25,21-27 июня, 1995, переопубликованная в книге «Identitatesi ruptura. Mentalitatiromanestipostbelice» – Бухарест: Univers, 2000
2. NicolaeFlorescu. Intoarcereaprosecisorilor. Reevaluaricritice ale literaturiiexilului-literar. – Бухарест, 1998.
3. Literatura deserter-un capitol de istorieliterara // Scrisuri (1972 – 1998). – Bucuresti: Nemira, 1999.
4. Dan C.Mihailescu. literature romana in postceausism. T.I.Memorialisticasautrecutulca re-umanizare. – Iasi: Polirom, 2004.
5. Marin Mincu. O panorama critica a poezieiromane din secolul al XX-ea. – Editura«Pontica». – Constanta. – 2007.

Секция «Иностранная филология и переводческое дело»,

научный руководитель – Печерских Т.Ф., канд. филол. наук, профессор РАЕ

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ «ЗДОРОВЬЕ» И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В КАЗАХСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И В РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Балтабаева М.Ж., Печерских Т.Ф.

Карагандинский государственный университет
им. Е.А. Букетова, Караганда, e-mail: crystal_777.7@mail.ru

Статья посвящена репрезентации общечеловеческой ценности (ОЦ) «здоровье» в казахском, русском и английском языках. ОЦ «здоровье» является общим для всех народов, так как во все времена здоровье человека считалось величайшим благом и естественной, абсолютной и непреходящей ценностью, поэтому здоровью населения придается первостепенное значение [1]. Общечеловеческая ценность «здоровье» одинакова для всех, независимо от религиозных взглядов, национальности и т.д.

Обзор научной литературы по исследуемой теме показывает, что интерес лингвистов к ценности «здоровье» не высок. Об этом свидетельствует незначительное количество статей и диссертаций, такие как работы Н.Г. Архиповой «Экспликация концептов «здоровье» – «болезнь» в современном языковом сознании» и Л.В. Тулениновой «Концепты «здоровье» и «болезнь» в английской и русской лингвокультурах».

Современная когнитивная лингвистика дает много самых разных дефиниций общечеловеческой ценности. Сама фраза «общечеловеческие ценности» была введена в обиход М.С. Горбачёвым во время перестройки в противовес господствовавшей до этого в СССР «классовой морали» [2].

Представление носителей казахского, английского и русского языков о здоровье зафиксировано в соответствующих лексемах – «денсаулық» в казахском, «health» английском и «здоровье» в русском языках.

С научной точки зрения здоровье – это состояние полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов [3]. При установлении факта состояния здоровья или болезни нередко прибегают к понятию «норма». Норма – состояние оптимальной жизнедеятельности организма в конкретных условиях его существования. Понятие «норма» часто используют как синоним здоровья («здоровье – нормальное состояние организма»). И всё же понятие «норма» несколько шире понятия «здоровье». Так, можно быть здоровым человеком, но отличаться от каких-либо общепринятых эталонов нормы (например, роста, массы или габаритов тела, характера общения с другими людьми, уровня интеллекта) [4, с.496].

Общечеловеческая ценность «здоровье» в толковом словаре казахского языка представлена следующими словарными дефинициями выражающий его лексемы: ауру-сырқаудан аман болушылық, есен-саулылық т.е. быть в полном здравии [5, с.198];

толық физикалық психологиялық және әлеуметтік жайлылықтың объективті жағдайы және субъективті сезімі т.е. субъективное чувство и объективное состояние социальной, полной физической и психологической благоприятности [6].